

Е. Р. Сквайрс

МГУ имени М. В. Ломоносова, РГБ, Москва, Россия. skvayrs@gmail.com

РОЛЬ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РАННЕЙ НАУЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ ДОКУМЕНТОВ ГАНЗЫ ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДСКО-НЕМЕЦКИХ СВЯЗЕЙ

В статье представлены наиболее ранние публикации источников по связям Ганзы и Новгорода из архива Любека. Предлагается объяснение выбора материалов для печати в книгах по коммерческому и корпоративному праву, в своде государственных документов. Прослеживается распространение археографических и текстологических ошибок в процессе перепечатки исторических документов, обсуждается роль в этом книгопечатного способа, а также некоторые неожиданные аспекты влияния книгопечатания на направление и развитие историографических исследований.

Ключевые слова: Новгород и Ганза, архив Любека, Карл Г. Дрейер, текстология и печатное воспроизведение, трансфер ошибок, научное книгоиздательство, коммерческое право

Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ № 23-18-00402 «Новгород, Псков и Ганза в XV в. в новгородско-ганзейских документах» (финансирование проекта осуществляется через Институт российской истории РАН).

Многочисленные сохранившиеся письменные источники по истории связей между Новгородом Великим и его западными партнерами в Ганзе, орденских землях, ливонских епископствах и соседних королевствах представляют значительный исторический интерес. К особо ценным в научном отношении документам несомненно относятся новгородско-ганзейские договоры¹, особенно те из них, которые знаменуют важные поворотные моменты в развитии отношений Руси с Западом. Это, например, древнейший торговый договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг. или последний договор времени новгородской независимости, заключенный между Новгородом, Псковом и Дерптом в 1474 г. (№ 1, 69). Договор 1392 г. (№ 26) – первый, когда в переговорах и заключении участвовали (наряду с Любеком и Готландом) послы трех балтийских городов Риги, Ревеля (Таллина) и Дерпта (Тарту); начиная с этого договора, дипломатическую работу с новгородскими властями вели уже ливонские послы, а их города занимали в русско-немецких торговых связях центральное место. Многие грамоты содержат конкретные факты, важные для решения трудных проблем историографии, или же, напротив, отражают общую картину исторических событий или периодов, недоступную для изучения другими научными методами. Например, проект договора Новгорода с Готландом и Любеком 1268 г. и заключенный в 1269 г. договор Новгорода с Готландом и Любеком (№ 4, 5) содержат информацию о маршруте ганзейских купеческих обозов в Новгород и о правовой и хозяйственной организации их проезда по новгородской земле. Можно в качестве любопытного примера также привести договор Новгорода с Готландом, Любеком, Ригой и немецкими городами о торговле воском 1342 г. (№ 18), в котором перечисляются способы фальсификации этого товара и меры, принятые для борьбы против нее.

Наряду с договорными грамотами, интересную информацию содержат подробные отчеты о посольствах вместе с организационной перепиской и финансовыми документами, оформляющими подготовку этих дипломатических миссий и подводящими их итоги. К таким относится,

¹ В новом издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова» [ГВНП 2025] раздел «Грамоты отношений Новгорода с Западом» (подготовлен П. В. Лукиным, С. В. Полеховым, Е. Р. Сквайрс и др.) содержит 74 номера, в том числе 36 межгосударственных договоров (не считая переводов и неутвержденных проектов), а также другие документы публично-правового характера. Далее при ссылке на источники указываются их номера по этому изданию.

например, отчет о посольстве ганзейских дипломатов в 1603 г. для получения привилегии от Бориса Годунова на торговлю с Новгородом и Москвой и рецессы (решения по итогам миссий) важнейших посольств Ганзы 1392 и 1436 гг. Наконец, ганзейская сторона оставила интереснейшую документацию своего торгового представительства в Новгороде – семь редакций его устава (Новгородской скры), с вариантами и списками для различных городов-участников, – в которой зафиксированы правовой распорядок и различные аспекты жизни немецкого Петрова двора на протяжении длительного периода – с первой половины XIII в. до 1603 г.

По сравнению с письменными свидетельствами, сохранившимися со стороны Ганзы, до наших дней дошло мало русских документов, относящихся к истории Новгорода и его ганзейских связей до конца XV в. Эта особенность источниковой базы признавалась в историографии Новгорода и неоднократно отмечалась в фундаментальных научных трудах²; естественно поэтому, что письменные свидетельства городов Ганзы (по большей части написанные на средненижненемецком языке, реже – на латинском) должны были рано привлечь внимание историков как с российской, так и с немецкой стороны. При этом логично было бы ожидать, что в первую очередь их заинтересовали бы тексты, подобные перечисленным выше, – в силу богатого содержания или центрального места, которое они занимают в новгородско-ганзейской теме. А следовательно, именно их, казалось бы, в первую должны были публиковать исследователи и их издатели.

Однако это не совсем так. Ниже будет показано, что существовали другие направления науки и практики, которые впервые – раньше, чем историки-медиевисты, – заинтересовались ганзейскими источниками, и именно там состоялась их рецепция в трудах первых публикаторов. Этот этап, предшествовавший обращению к собственно ганзейской тематике, оказал определенное влияние и на то, как началась научная рецепция письменных свидетельств Ганзы в историографии русско-немецких отношений, и на то, как шло их печатно-издательское распространение.

Для рассмотрения этих процессов необходимо оговорить некоторые исходные положения и подходы:

1. Историю наиболее ранних изданий по теме ганзейской истории лучше всего наблюдать на примере города, занимавшего важное положение в союзе торговых городов Северной Германии и располагавшего богатыми архивными материалами. Из названных выше (см. примеч. 2) для этого больше всех подошел бы город, являющийся также крупным политическим и научным центром, где в университете и административных структурах развиваются различные направления общественных наук, а также существует активная книгоиздательская деятельность.
2. Приведенные выше примеры источников показывают, что речь может пойти об очень ранних изданиях, поскольку значительная часть ганзейских письменных документов создавалась уже в эпоху типографского станка (после 1450 г.), когда в Германии многие жанры словесности осваивали печатный формат. Это значит, что выбранный нами город должен располагать книгоиздательской базой с удобным доступом к типографиям подходящего уровня и профиля.

Этим критериям отвечает Любек благодаря его исторической роли в Ганзе и положению одного из крупных центров науки и книгопечатного дела в Германии³. В поле нашего внимания поэтому будут город Любек и печатная рецепция его архивных документов.

² Как подчеркивает в своем обзоре различных типов источников по новгородской истории Е. А. Рыбина, «[к]олличество письменных документов иноземного происхождения, хранящихся в архивах Любека, Гданьска, Риги, Таллинна, Тарту и других городов, значительно превышает отечественный материал такого рода» [Рыбина, с. 13].

³ Особенно на раннем этапе естественны связи публикаторов с местными типографами. Например, в случае Любека примечательно, что издание его городского права было отпечатано здесь же в 1586 г., книга Пауля Марпергера о русской торговле (о которой см. ниже) была издана в Любеке и отпечатана там же в типографии Струка, одного из трех лицензированных типографов города. К. Г. Дрейер печатался как в самом Любеке (в том числе хронологи-

3. Научное издание письменных источников приобрело современные масштабы и качество благодаря возможностям книгопечатания, поэтому роль этого медиума в развитии науки представляется нам весьма существенной не только в количественном, но и в качественном отношении. Книгоиздательское дело способствовало научному прогрессу в целом, но оно же, как будет показано, могло и оказываться фактором, обладающим избирательным действием, дифференцированно определяющим тенденции научного развития.
4. В фокусе нашего исследования останется вклад наиболее ранних печатных публикаций в распространение знаний о связях Ганзы и Новгорода, а также шире – роль научно-издательской деятельности в традиции немецких источников по новгородско-ганзейским отношениям. В том числе мы постараемся указать на некоторые, неочевидные на первый взгляд, стороны этого вклада и показать, какие это имело последствия для развития науки.

Прежде чем перейти к изложению, взглянем на проблему из перспективы современного нам состояния науки: историография работ на тему Новгорода и Запада, не утративших пока научного интереса, вообще не уходит на хронологическую глубину дальше середины XVIII в. В ее актуальной библиографии [ГВНП 2025, № 13] наиболее ранней публикацией западного документа является издание «разграничительной грамоты» Новгорода с Норвегией в стране саамов, предположительно около 1330 г., которое состоялось в 1742 г. в Стокгольме [Björner]. В Германии историки начинают издавать документы из Любека еще позднее. Первая такая печатная публикация (книга 1761 г.) содержала проект договора Новгорода с Готландом и Любеком 1268 г. (№ 4), который дан в ней полным текстом, но без указания источника и даты [Dreyer, p. 177–182]. В том же 1761 г. он же обсуждается, тоже без датировки и описания, в России в публикации Г. Фр. Миллера. В издаваемой им серии по русской истории Г. Фр. Миллер сообщает о найденном К. Г. Дрейером в «старейших рукописях Любекского архива» упоминании некоего новгородского князя Борхрама («einen König Borchram zu Nowgorod») [Müller, S. 562–563] и в ответ на его просьбу проверить достоверность находки выражает сомнение, так как поиски подтверждения в рукописях, находящихся в России, «оказались бесплодными»⁴. Эти ранние публикации не свободны от тенденциозных или наивных заблуждений, их идеи и выводы частично утратили научную актуальность; однако они несомненно составляют начало той академической литературы по новгородско-ганзейской тематике, из которой в XIX–XX вв. развилась и база источников, и система знаний по данной теме.

В период между завершением исторической эпохи, когда активно разворачивалась дипломатическая и торговая деятельность Ганзы в Новгороде (до конца XV в. или – если включать попытки оживить ее новыми договорами – до 1603 г.), и появлением первых печатных публикаций по истории этих связей во второй половине XVIII в. прошло около полутора столетий; за это время западные документы по истории Новгорода и Ганзы успели привлечь внимание со стороны других, в основном юридических, дисциплин.

ческий сборник правовых документов Любека 1769 г.), так и у издателей в регионе: в Ростке (1763 г.), Бюцове, Висмаре [Dreyer 1761].

⁴ Научная переписка К. Г. Дрейера с российским историографом Г. Фр. Миллером, секретарем Санкт-Петербургской Академии наук, касалась пергаменного списка грамоты договора 1269 г. между Новгородом и Ганзой (№ 5), который К. Г. Дрейер преподнес в дар академии, и продолжилась на тему русско-немецких связей, интересовавшую обоих ученых, подробнее см.: [Squires, S. 195–201]. Гипотеза о новгородском «князе Борхrame» (у К. Г. Дрейера: «Rex Borchramvs, dux & ...» [Dreyer, S. 177]), о которой скептически пишет Г. Фр. Миллер, была основана на ошибке прочтения; на самом деле это место рукописи читается как «посадник» (ср. ср.-ниж.-нем. borch-gravius в договоре (№ 5) и в латинском проекте (№ 4) rex, borchrauius, dux, то есть 'князь, посадник, тысяцкий' [ГВНП 2025, № 4, 5].

Источник по праву

Самое первое печатное издание ганзейских документов – это публикации упомянутого позднего договора Любека с Москвой и Новгородом (привилегии Бориса Годунова) 1603 г. и принятой после этого новой редакции Новгородской скры, также 1603 г.⁵ Автор этой публикации, вышедшей в 1662 г., Иоганн Марквард [Marquard, S. 273–281], был ученым-правоведом, имел степень доктора обоих прав, и сферой его научных интересов было международное коммерческое право в Европе. С этой стороны для него представляла интерес особенно Новгородская скра, как пример правовой организации торговли с зарубежными партнерами, в которой Любеку несомненно принадлежал важный инновационный опыт; конкретный же новгородско-ганзейский аспект привлекал автора гораздо меньше. И. Марквард был крупным юристом, именно ему приписывают первое употребление термина *ius mercatorum* ‘коммерческое право’. Сегодня признаётся, что данный трактат, в котором использована и Новгородская скра, является главным достижением научной деятельности И. Маркварда, определившим будущее развитие этой области международного права [Graßmann 1990].

Надо еще сказать, что И. Марквард опубликовал в 1662 г. не основной, то есть официальный, заверенный советом Любека экземпляр Скры 1603 г., а положил в основу издания другую рукопись, позднее утерянную и поэтому известную сейчас только благодаря его трактату [Сквайрс, Мальков, с. 142, 182–183].

Что касается привилегии 1603 г., то ее оригинальная грамота, на древнерусском языке, сохранилась и во времена И. Маркварда находилась в Любеке⁶. Он приводит ее по-немецки, и происхождение самого перевода требует проверки, но возможно, что это немецкий перевод, который был включен в отчет посла Иоганна Брамбаха о возглавляемом им посольстве 1603 г. в Москву и Новгород. До И. Маркварда договор не публиковался, лишь в 1890 г. его немецкий текст печатается у В. Бремера [Brehmer 1891, 47–48].

И. Марквард был гражданином Любека, занимал высокие посты в управлении городом, в том числе в 1644 и 1652 гг. был ратманом и выполнял важные правовые и судебные функции. Он с успехом представлял свой город в многочисленных дипломатических миссиях, где проявлял себя как искусный переговорщик с большим юридическим опытом. В 1663 г. ему предстояло занять пост бургомистра Любека, но и в годы, предшествовавшие выходу трактата, его положение давало ему доступ к документам города. Можно с уверенностью полагать, что он мог найти среди доступных исторических материалов архива⁷ нужные ему документы.

В этой связи интересен вопрос, почему И. Марквард использовал для публикации Скры 1603 г. не официальную, а рабочую версию, не полностью вошедшую в утвержденный магистратом экземпляр. Почему ему оказались доступны немецкий перевод привилегии Бориса Годунова и рабочая версия Скры, но не официальный экземпляр последней? Скорее всего, это объясняется тем, что документы города еще находились в неразобранном состоянии и в разных местах, так как систематизация исторического архива на научных началах была проведена гораздо позднее (Карлом Дрейером, о нем, а также о состоянии архива во времена И. Маркварда см. далее). В силу этой, очевидно, технической проблемы И. Марквард не имел выбора и воспользовался теми материалами, которые смог найти.

⁵ Об обстоятельствах и значении первого печатного издания Скры см.: [Сквайрс 2025].

⁶ В настоящее время ее местонахождение – Москва, РГАДА. Ф. 1490, но до Второй мировой войны она хранилась в архиве Любека, где и сейчас хранится Новгородская скра 1603 г.

⁷ И. Марквард несомненно обращался в своей научной работе к документам Любека, так как здесь сохранились манускрипты подготовленных им книг по истории города: 1) *De statu regiminis Lubecensis* и 2) *Chronicon Lubecense*, d. i. Beschreibung der Stadt Lübeck ... auß glaubhafften Schrifften umbs J. 1658 zus. getragen (обе рукописи зафиксированы в архиве Любека).

Как бы то ни было, И. Марквард своей публикацией ввел в научный оборот не окончательную, а рабочую версию последней Новгородской скры. Расхождения между версиями касались не только отдельных слов или фраз: в официальном кодексе Скры отсутствует целый параграф о правилах торговли льном и коноплям. Объясняют это тем, что ганзейцы не смогли достичь по этим вопросам согласия русской стороны и потому не включили соответствующие положения в текст своей новой Скры [Сквайрс, Мальков; Сквайрс 2025].

Это, возможно, не имело принципиального значения для теоретического трактата И. Маркварда о европейском коммерческом праве, однако в результате именно эта – неокончательная – версия Новгородской скры была перепечатана в своде государственных актов Германии и тем самым в начале XVIII в. заняла место официального документа государства [Teutsches Reichsarchiv, No. XXVI, XXVII. S. 1369–1379], что уже вряд ли может считаться допустимым.

По поводу этой публикации И. Маркварда можно сделать несколько замечаний.

Оба изданных И. Марквардом источника представляли для него очевидный интерес с правовой точки зрения, как документы по конкретным формам устройства торговли Ганзы за пределами своей территории. Международный размах ганзейского представительства (от Лондона до Новгорода) и многовековой опыт успеха любекской модели несомненно делают этот материал особенно важным для его книги.

Возможно, что и поздняя дата обоих документов была удобна издателю: те неполные 60 лет, которые прошли с 1603 г. до выхода публикации, еще позволяли связать их материал с близким для автора временем и с научной направленностью его книги: на развитие торговли в будущем.

Все же немаловажно, как будет показано ниже, и то, что фактически у И. Маркварда оба источника появляются не в качестве действующих юридических документов, регулирующих современную ему торговую деятельность, а в качестве свидетельств истории, пусть и не далекой.

Не следует также забывать об ошибке, сделанной И. Марквардом: в его трактате оказалась официально опубликованной в качестве подлинного документа неофициальная, неутвержденная версия Новгородской скры. Поскольку И. Марквард опубликовал эту рукописную версию в научном трактате, она и в науке вошла в число источников для исследований, в том числе по историографии торговых отношений Ганзы с Русью.

Второй печатной публикацией тех же двух документов 1603 г. является их повторение в упомянутом уже своде государственных актов: привилегия и текст Скры в версии И. Маркварда были перепечатаны в 1714 г. у И. Люнига в его «Германском архиве» [Teutsches Reichsarchiv, No XXVI, XXVII, S. 1369–1379]. Иоганн Кристиан Люниг (Lünig, Johann Christian, 1662–1740), тоже крупный историк права, не был, в отличие от И. Маркварда, уроженцем и патриотом Любека, его интересы лежали в сфере государственного права, а его многотомные издания законов, декретов, рецессов и прочих правовых актов империи, а также писем правителей Германии и другие публикации и сегодня признаны ценнейшим собранием источников по истории права в Германии [Roeck]. В 24-томном своде «Германского архива» И. Люнигом напечатаны имперские привилегии, государственные договоры и международные дипломатические и торговые соглашения начиная с ранних эпох. В части, посвященной вольным городам (раздел «Reichsstädte»), есть и раздел городов Ганзы, где, например, приведены: а) привилегия императора Фридриха I для города Любека, 1188 г., б) «Золотая булла» императора Фридриха II (подтверждение вольности), выданная городу Любеку в 1226 г., в) договоры Любека с королями Швеции и другие. Из документов по связям Ганзы с Русью И. Люниг взял эти же 2 документа:

1) договор 1603 г. (No XXVI. Des Gross-Fürsten in Moscau Baris Federowitz Privilegium vor die Stadt Lubeck, die freye Handlung nach Archangel, ganz Moscau, und andere besondere Freyheiten mehr betreffend, de Anno (7111.) 1603.) в том же немецком переводе, как у И. Маркварда;

2) Новгородскую скру 1603 г. (No XXVII. Schrage und Ordnung derer nach Moscau handelnden Lübecker Kauff- und Handels-Leute... 1603.) с «лишним» параграфом, как в издании И. Маркварда.

Эти документы, созданные уже после закрытия конторы Ганзы в Новгороде и заката самой ганзейской торговли на Волхове, по своей исторической значимости уступают более древним источникам поры расцвета новгородско-ганзейских отношений, например, перечисленным выше договорам. Среди документов имеется немало более важных и более древних, однако в публикациях XVII – начала XVIII в. встречаются именно эти два источника.

По этому поводу можно сформулировать – в продолжение замечаниям, сделанным выше, – несколько предположений.

Очевидно, что в свод И. Люнига они были включены именно потому, что уже были изданы И. Марквардом: речь идет о перепечатке из его трактата 1662 г.

Нетрудно догадаться, что и текстологическая ошибка в тексте Скры повторилась благодаря тому, что эта рукописная версия первой была опубликована в печати. Она была уже известна, доступна в удобной форме и находилась под рукой, тогда как о других рукописных источниках еще не знали.

Значит, именно печатная форма обеспечила допереговорной версии Скры это – неполагающееся ей – место в «Германском архиве» и дальнейшую рецепцию в качестве юридического оригинала. Далее, нельзя не заметить, что определенным фактором, позволившим эту серьезную ошибку, была сама ранняя дата публикации И. Маркварда: в 1660-х гг. архив Любека еще не был приведен в порядок и не были известны имеющиеся в нем рукописные документы и их списки (см. далее).

Наконец, публикация И. Люнига, с транслированным в ней серьезным изъяном текста, вызвала к жизни его дальнейшую репликацию: в то время, когда весь массив архивных документов лежал неизученным и неопубликованным, Скра с «лишним» параграфом продолжала появляться в печатных публикациях.

В близкое время, в 1705 и 1723 гг., двумя изданиями вышла книга выдающегося немецкого экономиста, камералиста, юриста, публициста и предпринимателя Пауля Якоба Марпергера (Paul Jacob Marperger, 1656–1730), посвященная основам корпоративного права [Marperger].

Этот труд по истории коммерции Германии – фактически первая книга о русской торговле. В издании 1705 г. описывается Россия по рассказам иностранцев в XVII в., кратко освещается начало царствования Петра Алексеевича, кончая его первыми мерами к сближению с Европой. Много внимания уделяется условиям и выгодам торговли в России, например, перечисляются ресурсы: «Прежде всего скот, который доставляет мясо, сало, кожи сырые, волос и шерсть, которые каждый год в огромном (неисчислимом) количестве вывозятся чрез Нарву, Ригу, Кенигсберг, Архангельск в Европу. Леса в изобилии доставляют пушной товар: соболи, горностаи, куницы, лисицы, медведи, зайцы и прочее»⁸.

Во второе издание, вышедшее в 1723 г., П. Марпергер включает дополнения: приводятся сведения о привилегиях, полученных ганзейскими купцами в России в результате переговоров любекского посла И. Брамбаха с Б. Годуновым в 1603 г. П. Марпергер сообщает, что в Новгороде и других городах им была разрешена беспошлинная торговля, отменены таможенный контроль, регистрация и штрафные санкции. Эти важные вставки сделаны после выхода в свет той части «Германского архива», изданной И. Люнигом в 1714 г., где помещены документы городов Ганзы,

⁸ Цитируется по изданию в переводе: [Янжул]. Книга П. Марпергера в области корпоративного права привлекала и в России внимание специалистов того же направления: в конце XIX в. академик Иван Иванович Янжул, экономист и статистик, специалист по тому, что называлось «промышленные синдикаты или предпринимательские союзы», публикует в переводе исторический очерк по первому изданию 1705 г.

в том числе рассмотренные выше привилегия Бориса Годунова и редакция Скры 1603 г. Этим объясняется отсутствие обоих источников в издании П. Марпергера, вышедшем в 1705 г., то есть до публикации И. Люнига, и их появление во втором издании 1723 г. Этим же подтверждается и предположение, что авторитетный «Германский архив» И. Люнига стал источником для публикации П. Марпергера по корпоративному праву, в том числе из него переключалась сюда и текстологическая ошибка в Скре.

Обобщим все сделанные нами наблюдения. Как мы видим, начало печатной рецепции ганзейско-новгородских документов было положено целой цепочкой публикаций одних и тех же двух источников, причем не в связи с историей Ганзы и Новгорода, а в ответ на потребности двух активно развивающихся областей права (международного коммерческого и корпоративного). Это отчасти объясняет, почему приоритетная публикация выпала на долю источников со столь поздней датировкой и в историческом отношении далеко не самых интересных.

Мы могли также наблюдать, как произошла последовательная перепечатка из трактата И. Маркварда в «Германский архив», а оттуда во второе издание книги П. Марпергера и как это привело к воспроизведению текстуальной ошибки (лишнего параграфа) в тексте Скры.

Это стало следствием печатного распространения документа, но надо признать, что негативную роль сыграло и состояние самих рукописных архивных материалов Любека в тот момент: ведь не выяснен был еще даже их состав.

Далее, без информации о наличии оригиналов и списков, их датировок и атрибуции, без учета палеографических и других внешних особенностей архивных манускриптов невозможно было иметь представление о традиции того или иного текста, выявить его основные варианты, проекты и черновики. Поэтому в печать могли попасть не те версии, которые были нужны для целей конкретного издания.

Положение в любекском архиве начало меняться после середины XVIII в., когда во главе его встал К. Г. Дрейер и провел в 1752–1760-х гг. работу по разборке архивных документов города и научной систематизации архива.

Йоганн Карл Генрих Дрейер (Carl Henrich Dreyer) ученый-правовед и историк, был с 1753 г. вторым, а с 1761 г. первым синдиком Любека, а также пробстом собора: он, таким образом, ведал всеми архивными материалами города, в том числе и по ганзейской истории. Первым заданием Дрейера-синдика в 1753 г. были разборка и приведение в порядок старого архива [Graßmann 1999, S. 273, 279–280]. С конца XIII в. хранившийся в «Трезе» (хранилище внутри Мариинской церкви напротив магистрата) архив средневековых документов центрального города Ганзы находился в плачевном состоянии. Постепенный отход Любека с ведущей позиции в экономике и международной политике в Северной Европе привел к тому, что за XVI–XVII вв. средневековый архив утратил свое значение и все больше погружался в забвение, а хранению и учету ценнейших грамот практически не уделялось внимания. Для вновь поступающих документов заводились новые описи, а старые не продолжались. Уже в 1669 г. предшественник К. Г. Дрейера, секретарь городского совета И. Фр. Карстенс жаловался, что ему при вступлении в должность не вручили даже описи подведомственных ему документов. Он сложил старые материалы в 13 ящиков и более не возвращался к ним. С течением времени документы оказались разбросанными по нескольким помещениям в разных зданиях, постепенно превращаясь в пожароопасную свалку старых бумаг. К. Г. Дрейер вспоминал, что «тысячи грамот в ящиках ... были набросаны вперемешку как попало и испорчены дождем, проникающим через разбитые окна, так что нельзя было узнать, что они в себе содержали» [Graßmann 1999, S. 272, 278]. Масштаб катастрофы был оценен лишь тогда, когда при прекращении некоторых договоренностей с Англией (в 1747 г.) не смогли найти нужные документы, подтверждающие имущественные права Любека.

К. Г. Дрейер посвятил целое десятилетие разборке и систематизации архива, созданию описей и журналов регистрации. Он провел описание и регистрацию документов, ему принадлежат названия фондов «Ruthenica», «Livonica», «Hanseatika», под которыми они и сейчас известны историкам; внутри каждого раздела материалы были аккуратно рассортированы. В 1763 г. работа была завершена: в «Трезе» чисто убрано, новые удобные, легкие ящики, все с ярлычками, документы в каждой теме расположены в хронологическом порядке.

Однако в лице К. Г. Дрейера наука обрела не только усердного и деятельного хранителя, в руках которого находились все архивные документы города, но и профессора-юриста, продолжателя влиятельной голштинской юридической династии – как в переносном смысле (по родству научных идей и задач), так и в буквальном смысле. Его дядя Э. И. фон Вестфаль (родился в 1700 г. на севере Германии в Мекленбурге) учился и начинал карьеру в университетах Галле, Иены и Ростока и в адвокатуре Гамбурга. Как ученый, университетский деятель и крупный государственный чиновник, он в 1730-х гг. выдвинулся в бургомистры Любека, стал куратором университета в Киле, канцлером при голштинском дворе и был в 1737 г. возведен в дворянство. С его поддержкой делал научную и чиновную карьеру его племянник К. Г. Дрейер, тоже уроженец Мекленбурга, учившийся в Киле, Галле и Хельмштедте, ставший профессором юридического факультета в Киле и Любеке, прежде чем занять место синдика и соборного пробста. В Киле между тем другой мекленбургский земляк, профессор Амантус Дорн, начал преподавание немецкого права; это на его место позднее пришел К. Г. Дрейер как «professor juris Germanici et praxeos» (практики немецкого права) [Ratjen, S. 36].

Этих примеров достаточно, чтобы представить тот круг юристов, которые в XVIII в. в герцогствах Шлезвиге и Голштинии (куда входили Киль и Любек с его главным хранилищем ганзейских актов) развивали «школу исторического правоведения» (Schule der Rechtsgeschichte). Здесь шел поиск свидетельств немецкого права, понимаемого как древнее германское и противопоставляемого римскому праву как искусственному и чуждому для германских стран [Ratjen, S. 28, 36]. История права Германии исследовалась через привлечение более древних и полнее сохранившихся скандинавских источников, и Новгород, с его древними скандинавскими (то есть еще доганзейскими) связями, представлялся голштинским профессорам местом знакомства Руси со старым германским правом и создания – на его примере – новгородских законов⁹.

В этих условиях новгородско-ганзейская тема впервые нашла отражение в публикациях К. Г. Дрейера, тоже в правоведческом ключе. В 1761 г., еще занятый упорядочением архивных фондов, К. Г. Дрейер в упомянутом трактате привлекает для анализа истории берегового права (jus naufragii) документы, относящиеся к торговым связям с Новгородом, начиная с 1280–1290-х (включая и названные в начале данной статьи № 4, 5), которые находились в сформированном им архиве. Книга заканчивается текстом из Любского права (во 2-й редакции 1294 г., то есть из Кодекса Бардевика), который щедро цитируется К. Г. Дрейером на языке оригинала. Эта, по всей видимости, старейшая публикация фрагментов из Любского права состоялась задолго до основополагающего издания И. Фр. Хаха [Nach, S. 56–66, 246–376].

Дойдя, таким образом, в нашем изложении до оговоренного выше рубежа середины XVIII в., мы можем здесь остановиться. Как заключает А. Грассманн (кстати, занимавшая в течение 35 лет пост директора созданного К. Г. Дрейером архива), «оценка заслуг Дрейера-архивариуса оказывается гораздо более благоприятной, чем оставленная им после себя несколько омраченная научная репутация» [Grassmann 1999, S. 269]. Несмотря на свойственные его работам ошибки

⁹ Ср.: [Сквайрс 2025; Сквайрс 2017; Сквайрс 2017]. В России концепция скандинавского генезиса русского права отразилась в трудах некоторых «русских немцев». Так, Э. С. Тобиен пишет о позиции А. Л. Шлёцера: «На основании сходства XIII статьи старейшей Правды... со статьей похожего содержания в старой Книге законов Ютландии Шлёцер сделал заключение о заимствовании данных законных норм из оного в Правду» [Tobien, S. 87] (пер. наш).

и тенденциозные натяжки, даже на сомнительные манипуляции с некоторыми материалами¹⁰, о которых говорит А. Грассманн, все же с К. Г. Дрейера началась собственно научная публикация исторических документов по истории взаимоотношений Новгорода и Ганзы.

К сделанным выше наблюдениям можно добавить несколько общих заключительных соображений.

По сравнению с рукописным копированием публикация исторических документов в печатных изданиях стала важным фактором

– их долгосрочного сохранения (в том числе и в случае утраты исходных рукописных материалов);

– практически неограниченного распространения в разных сферах знания, в том числе и для последовательной рецепции в нескольких различных научных областях: так рассмотренные нами архивные документы стали источниками по историографии Германии и России или же отдельных регионов (область Ганзы, Новгородская Русь), сначала послужив для изучения коммерческого и корпоративного права Европы.

Однако на ранних этапах обращение к печатной форме может оказаться, как ни странно, даже несвоевременным: до создания научно сформированного архива и методов научной (археографической, палеографической, филологической и др.) обработки печатное издание может способствовать распространению некачественных вариантов текстов, текстологических ошибок, неточных или неверных прочтений. Все это может неблагоприятно сказаться на их научном изучении.

По этому поводу справедливо будет заметить, что публикация исторических документов в печати является (и пока остается) необходимой основой для развития историографических и филологических исследований. И все же нередко сегодня ученые-публикаторы фактически оказываются в диалоге (в споре?) даже с авторитетными, классическими изданиями своих рукописных средневековых источников. Недаром в современных публикациях мы часто находим вводные пояснения, в которых обосновываются новые принципы издания, более точные методы воспроизведения текста (например, более точное следование транскрипции оригиналу) по сравнению с предыдущими изданиями.

Источники

ГВНП 2025 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова // Сост. И. Ю. Анкудинов, Т. В. Круглова, П. В. Лукин и др. М., 2025. Т. 1. 856 с.

Björner E. J. Cogitationes criticophilologicae de orthographia linguae Svio-Gothicae, tam runica, quam vulgari, a corrupto medii aevi stylo vindicanda. Stockholmiae, 1742. 180 p.

Brehmer W. Die hansische Gesandtschaft nach Moskau im Jahre 1603 // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 1889. Leipzig, 1891. S. 29–51.

Hach – Das alte lübische Recht / Hrg. Hach J. F. Lübeck, 1839. 652 S.

Marquard – Johannis Marquardi Tractatus politico-iuridicus de iure mercatorum et commerciorum singulari. 2 Bde. Frankfurt am Main, 1662. 572 p.

Schleker L. Reisebericht der hansischen Gesandtschaft von Lübeck nach Moskau und Nowgorod im Jahre 1603 // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 1888. Leipzig, 1890. S. 1–56.

Teutsches Reichsarchiv – Des Teutschen Reichsarchivs partis specialis IV. und letzte Continuation ... darin: Bündnisse, Recesse, Land-Frieden, Vereinigungen ... (R. Archivs Part. Spec. Cont. IV. R. Städte I. Theil.) / Hrg. Lünig J. Chr. Leipzig, 1714. [33] Bll., 786 S.

Литература

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. 320 с.

¹⁰ Например, неоднократные обвинения в фальсификации документов, см.: [Brehmer 1892; Graßmann 1971].

- Сквайрс Е. Р. Правовые (нижненемецкие) тексты Ганзы в Новгороде: источниковедческие аспекты // От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Великий Новгород, 2016. Ч. 2. С. 264–273.
- Сквайрс Е. Р. Ранние новгородские тексты Ганзы и историография XVIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 127–128.
- Сквайрс Е. Р. Новгородская Скра: грамота – кодекс – печатное издание в правовой эволюции текста // Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность. Сборник материалов научной конференции. Великий Новгород, 2025 (в печати).
- Сквайрс Е. Р., Мальков А. В. Новгородская скра: издание, перевод, исследования. М., 2020. 216 с.
- Янжул И. И. Московский купец конца XVII века. (По отзывам иностранца-современника). (Историко-библиографическая заметка) // Русская старина. 1896. № 5. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1700-1720/Marperger_P_I/text1.php?ysclid=lngb1sosmt13822264 (дата обращения 21.11.2024).
- Brehmer W. Vom Syndikus und Dompropsten Dreyer gefälschte Urkunden und Regesten // Zeitschrift der Vereins für Lübeckische Geschichte. 1892. Bd. 6. S. 515–535.
- Dreyer Io. C. H. Specimen juris publici Lubecensis, quo pacta conventa et privilegia, quibus Lubecae... circa inhumanum jus naufragii (Strand-Recht) est prospectum... Buezov et Wismar, 1761. 333 p.
- Graßmann A. Eine weitere Dreyersche Fälschung an den Tag gekommen // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1971. Bd. 51. S. 90–92.
- Graßmann A. Marquard, Johann // Neue Deutsche Biographie. 1990. № 16. S. 244–245 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104234555.html#ndbcontent> (дата обращения: 21.11.2024).
- Graßmann A. Johann Carl Heinrich Dreyer und das Lübecker Archiv. Festschrift für Christa Cordshagen // Beiheft zu Mecklenburgischen Jahrbüchern. 1999. Bd. 114. S. 269–284.
- Marperger P. I. Moscovitischer Kaufmann. Das ist Ausführliche-Beschreibung der Commerciën, welche in Moskau u. anderen Seiner Czareschen Majestät Bothmassigkeit unterworfenen Reichen u. Provinzien, so wol von dessen Unterthanen unter sich selbst als mit ausländischen Nationen getrieben werden... : zum Beschluss aber ein klein Vocabularium oder russisches Wörter-Buch mit angehängt wird. Lübeck, 1705. 368 S.
- Müller G. Fr. (Hrg.). Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg, 1761. Bd. 6. Stück 1–5. 612 S.
- Ratjen H. Johann Carl Heinrich Dreyer und Ernst Joachim von Westphalen. Geschichte der Kieler Universität und der juristischen Literatur. Kiel, 1861. 189 S.
- Roeck B. Lünig, Johann Christian // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1987. Bd. 15. S. 468–469 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104268336.html#ndbcontent> (дата обращения: 21.11.2024).
- Squires C. Early Hanseatic Manuscripts in the Mid Eighteenth-century Discourse between Lübeck and Saint Petersburg // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2018. Bd. 78. S. 185–201.
- Tobien E. S. Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen. St. Petersburg, 1844. 86 S.

References

- Brehmer, W. Vom Syndikus und Dompropsten Dreyer gefälschte Urkunden und Regesten. In *Zeitschrift der Vereins für Lübeckische Geschichte*. 1892. Bd. 6. S. 515–535.
- Dreyer, Io. C. H. Specimen juris publici Lubecensis, quo pacta conventa et privilegia, quibus Lubecae... circa inhumanum jus naufragii (Strand-Recht) est prospectum... Buezov et Wismar, 1761. 333 p.
- Graßmann, A. Eine weitere Dreyersche Fälschung an den Tag gekommen. In *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1971. Bd. 51. S. 90–92.
- Graßmann, A. Marquard, Johann. In *Neue Deutsche Biographie*. 1990. № 16. S. 244–245 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104234555.html#ndbcontent> (accessed 21 November 2024).
- Graßmann, A. Johann Carl Heinrich Dreyer und das Lübecker Archiv. Festschrift für Christa Cordshagen. In *Beiheft zu Mecklenburgischen Jahrbüchern*. 1999. Bd. 114. S. 269–284.
- Marperger, P. I. Moscovitischer Kaufmann. Das ist Ausführliche-Beschreibung der Commerciën, welche in Moskau u. anderen Seiner Czareschen Majestät Bothmassigkeit unterworfenen Reichen u. Provinzien, so wol von dessen Unterthanen unter sich selbst als mit ausländischen Nationen getrieben werden... : zum Beschluss aber ein klein Vocabularium oder russisches Wörter-Buch mit angehängt wird. Lübeck, 1705. 368 S.
- Müller, G. Fr. (Hrg.). Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg, 1761. Bd. 6. Stück 1–5. 612 S.

- Ratjen, H. Johann Carl Heinrich Dreyer und Ernst Joachim von Westphalen. *Geschichte der Kieler Universität und der juristischen Literatur*. Kiel, 1861. 189 S.
- Roeck, B. Lünig, Johann Christian. In *Neue Deutsche Biographie*. Berlin, 1987. Bd. 15. S. 468–469 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104268336.html#ndbcontent> (accessed 21 November 2024).
- Rybina, E. A. Novgorod i Ganza. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.)
- Squires, C. R. Pravovye (nizhnenemetskie) teksty Ganzy v Novgorode: istochnikovedcheskie aspekty. In *Ot "Pravdy Russkoi" k rossiiskomu konstitutsionalizmu. Velikii Novgorod*, 2016. Part 2. Pp. 264–273. (In Russ.)
- Squires, C. R. Rannie novgorodskie teksty Ganzy i istoriografiya XVIII v. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 3 (69). Pp. 127–128. (In Russ.)
- Squires, C. Early Hanseatic Manuscripts in the Mid Eighteenth-century Discourse between Lübeck and Saint Petersburg. In *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2018. Bd. 78. S. 185–201.
- Squires, C. R. Novgorodskaya Skra: gramota – kodeks – pechatnoe izdanie v pravovoi evolyutsii teksta. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Pis'mennost' i knizhnost'. Sbornik materialov nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod*, 2025 (in print). (In Russ.)
- Squires, C. R., Mal'kov, A. V. *Novgorodskaya skra: izdanie, perevod, issledovaniya*. Moscow, 2020. 216 p. (In Russ.)
- Tobien, E. S. Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen. St. Petersburg, 1844. 86 S.
- Yanzhul, I. I. Moskovskii kupets kontsa XVII veka. (Po otzyvam inostrantsa-sovremennika). (Istoriko-bibliograficheskaya zametka). In *Russkaya starina*. 1896. No. 5. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1700-1720/Marperger_P_I/text1.php?ysclid=lngb1s0smt13822264 (accessed 21 November 2024). (In Russ.)

Catherine R. Squires

Lomonosov Moscow State University, Russian State Library, Moscow, Russia

IMPACT OF BOOK PRINTING ON THE EARLY INTRODUCTION OF HANSEATIC MANUSCRIPT SOURCES OF THE GERMAN-NOVGOROD RELATIONS

The earliest printed publications of manuscripts from Lubeck concerning Hanseatic relations with Novgorod are traced down to their first editions in books on commercial law, P. I. Marperger's "Moscowitischer Kaufmann" and the corpus of German state law. The choice of the particular documents is discussed and the transfer of archeographic and textological errors is shown and analysed in connection with the peculiar impact book printing had on the development of academic Russian-German historiography.

Keywords: Novgorod and the Hansa, The Lubeck archive, Carl H. Dreyer, text analysis and printing, error transfer, academic printing, commercial law

